

Л
Ю
Л
Я
Н
Ь
Ц
Ы

18+

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПИОН

Лю Ляньцзы
Императорский пион
Серия «Freedom. История
одной наложницы. Легенда
о Чжэнь Хуань», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74048292
Императорский пион: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-248090-4*

Аннотация

Говорят, что в императорском гареме благодать всегда надежнее искренности. Раньше она в это не верила.

Однажды она проявила снисхождение и отступила, потому что он обещал позаботиться о ней.

В одно мгновение она стала покинутой наложницей. Это капризность сердца или императорская уловка – отступление ради продвижения вперед? Ответ не важен. Важно то, что с того дня, как она вышла из холодного дворца, она не хотела и не желала быть бледной жемчужиной, зарытой в нем.

Однако когда враги нападают один за другим, а правда становится все сложнее и запутаннее, в этой непроницаемой, холодной и хитрой схеме все сложнее понять, кто строит планы, кто рассчитывает, кто является главным интриганом.

Как любовь, уныние и сомнения императора шаг за шагом заставляют ее теплое сердце холодеть?

Каждый стремится вырасти самым красивым цветком, но какой бы красивой она ни была, в конце концов она завянет, если только не станет владычицей сада...

Содержание

Глава 1. Тревожные речи	6
Глава 2. Очень тоскую по тебе	31
Глава 3. Холодная луна	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лю Ляньцзы

Императорский пион

###.####

Volume III

Copyright © Zhejiang Literature & Art Publishing House

#####

This edition is published by EKSMO Publishing House
arrangement with through the agency of Tianjin Mengchen
Cultural Communication Group Co., Ltd.

##EKSMO

© Трапезникова Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. Тревожные речи

Наступил девятый лунный месяц. Все чаще дули прохладные ветра, в воздухе ощущался аромат корицы, а красные кленовые листья по утрам покрывались инеем. Вместе с осенними ветрами постепенно уносилась прочь и моя тоска по сыну, а вместе с душой выздоравливало и тело. Временами, не находя себе занятия, я подумывала о том, чтобы навестить Сюаньлина, ведь, в конце концов, он тоже грустил из-за нашей потери. К тому же сейчас его фавориткой была та, с кем меня связывали почти сестринские отношения, и поэтому она не была бы против моего визита.

Утешая себя подобными мыслями, однажды я послала Лючжу во дворец императора. Я хотела узнать, там ли он. После возвращения служанка доложила:

– Евнух Ли сказал, что Его Величество в своем кабинете читает докладные записки. Простите за наглость, но я уже велела поварам приготовить легкие закуски, чтобы вы могли, как и раньше, угостить ими императора.

Не знаю почему, но перед тем, как Лючжу заговорила, меня охватила сильная тревога. Я ждала, что она скажет, что император не хочет меня видеть. Сердце сжалось от страха, как у того путника, что долго не был дома и не знает, ждут ли его там. Но после ее доклада я выдохнула с облегчением. Вот только идти во дворец императора не спешила, представляя,

какой неловкой будет наша встреча и как мне будет стыдно, если я уловлю аромат другой женщины или увижу оставленные ею вещи. Лучше тогда вообще с ним не видеться.

– Про закуски ты правильно распорядилась, – наконец сказала я. – Вели Цзинцин отнести их госпоже Мэйчжуан.

– Госпожа, вы не пойдете к императору? – удивилась служанка.

– Император занят государственными делами. Зачем его тревожить?

– Но раньше... вам было дозволено свободно входить в его кабинет...

– Ты думаешь, что сейчас все как и раньше? – прервала я Лючжу, почувствовав на душе тяжесть.

Лючжу заметила, что я помрачнела, и не осмелилась продолжить разговор.

Я подняла глаза и увидела за окном прекрасный осенний пейзаж. Мне захотелось подышать свежим воздухом, поэтому я позвала Цзиньси и мы вместе направились в сад Шанлинь к озеру Тайе. В начале осени над водой всегда стелилась тонкая полоска белесого тумана, а остроконечные листья кленов окрашивались в ярко-алый цвет, словно деревья плакали кровавыми слезами. Зеленых листьев оставалось совсем немного. Летние цветы к этому времени увядали, но на смену им, прогоняя серую тоскливую осень, приходили яркие хризантемы. Здесь их было огромное разнообразие: «Золотистая пионовидная», «Перья желтого журавля»,

«Изысканный нефрит», «Снежный шар», «Румяна красавицы», «Нефритовая весна», и все они радовали глаз пышными соцветиями. Каждый сорт был драгоценным и красивым по-своему. Осенний пейзаж отличался от весеннего и был еще прекраснее.

Я улыбнулась. Как бы ни были дороги и красивы цветы в императорском саду, им далеко до утонченных и горделивых хризантем, которые выращивал около своего дома Тао Юаньмин¹. Красота хризантемы заключается не в ее окраске, а в изяществе. Когда оценивают эти цветы, говорят, что самые лучшие – белые хризантемы, чуть похуже – желтые, затем идут пурпурные, но все они утратили элегантность своих предшественниц.

Мы прогуливались вдоль пруда и любовались осенними пейзажами. Чем дальше мы шли, тем чаще взгляд замирал на поредевших кронах деревьев и пожухлой траве. Вокруг было тихо и пустынно, и лишь изредка раздавался стрекот насекомых, не боявшихся холода. С каждым шагом я все глубже погружалась в осеннюю меланхолию.

И вот мы вышли ко дворцу, окруженному красивым садом. Он стоял вдали от дворцов других наложниц, и можно было бы подумать, что здесь живет кто-то, кто обделен любовью императора, если бы не красные стены и золотые коньки крыш. В таком высоком и большом дворце, окружен-

¹ Тао Юаньмин – поэт династии Восточная Цзинь. Любил хризантемы и часто писал о них в своих стихах.

ном тунговыми деревьями и акациями, не могла жить простая наложница.

Я спросила у Цзиньси:

– Чей это дворец?

– Это дворец Писян, здесь живет матушка-наложница Дуань.

Хотя мы и встречались несколько раз, но я никогда не посещала дворец фэй² Дуань. Главным образом потому, что не хотела вызвать ненужных подозрений, и отчасти потому, что ей не нравились личные визиты.

Во время моей беременности госпожа Дуань относилась ко мне с теплотой. Несмотря на болезнь и вызванную ею слабость, она нашла в себе силы сшить для моего нерожденного сына пару башмачков. Меня тронули ее старания, но она была против моих визитов. Еще до того, как я потеряла ребенка, ей в очередной раз стало хуже, и она слегла. Но, даже будучи прикованной к кровати, фэй Дуань послала служанку и велела передать мне слова поддержки, советуя больше отдыхать. Потом у меня наступил тяжелый период, и я совсем про нее позабыла.

Раз уж я оказалась у ворот ее дворца, я не могла пройти мимо и не осведомиться о ее здоровье.

– Постучи в ворота, – приказала я Цзиньси.

Солнце стояло в зените, но слегка потертые ворота почему-то были наглухо закрыты. Цзиньси пришлось несколь-

² Здесь и далее смотрите вклейку с рангами наложниц.

ко раз ударить медной ручкой по металлической пластине, прежде чем с той стороны послышался шум. Ворота медленно открылись, и навстречу нам вышла Цзисян.

– Доброго здравия, матушка, – поприветствовала меня служанка, не скрывая своего удивления.

Мне показалось странным то, что встречать нас вышла именно она, ведь Цзисян была самой близкой и самой преданной служанкой фэй Дуань. Обычно она ни на шаг не отходила от своей госпожи. Так почему именно она открыла ворота?

– Как себя чувствует матушка Дуань? – спросила я у служанки.

Казалось бы, невинный вопрос, но у Цзисян на глазах навернулись слезы.

– Матушка, как хорошо, что вы пришли, – пролепетала она.

В груди похолодело от страха.

Я последовала за Цзисян во внутренние покои. В просторном дворце царила тишина. По пути нам не встретилось ни одной служанки или евнуха, и я не удержалась от вопроса:

– Почему здесь никого нет?

– Несколько лет назад, когда наша госпожа захворала, матушка-императрица велела переселить всех младших хозяек, живших в нашем дворце. Она хотела, чтобы госпожа поправлялась в тишине и спокойствии. Поэтому здесь никого и нет.

– А где все служанки? Их тоже переселили?

На этот раз Цзисян слегка замялась, и в ее голосе послышалась нерешительность:

– Матушка-императрица отозвала всех служанок, а лекарства велела варить Жуи.

У меня оставалось еще много вопросов, но я, подумав, что не стоит задавать их простой служанке, молча последовала за Цзисян в главный зал. Воздух в нем пропитался густым и горьким запахом лекарств. Судя по всему, здесь давно не проветривали. Снаружи стены зала обросли девичьим виноградом, мешавшим свету проникать внутрь, отчего в помещениях воцарилась мрачная затхлая атмосфера.

Я заглянула в спальню через небольшое окошко и увидела, что фэй Дуань лежит на кровати и, судя по спокойному дыханию, крепко спит. Неподалеку от спальни старая служанка склонилась над небольшой печкой на трех ножках. Сверху на печке стоял серебряный чайничек, в котором подогревалось лекарство. Я поняла, что эта служанка и есть Жуи.

– Матушка! – воскликнула она, как только меня увидела.

Вместе с явным удивлением в ее голосе слышалась радость.

Я еще раз взглянула на смертельно бледную наложницу Дуань и спросила у старшей служанки:

– Придворные лекари видели, в каком состоянии ваша госпожа? Что они говорят по этому поводу?

– К нам всегда ходит лекарь Пан и каждый раз он говорит одно и то же, что это старая болезнь и все, что остается нашей госпоже, это принимать прописанное им лекарство, – ответила Жуи, скорбно вздохнув.

– Что за шарлатан?! – меня охватил гнев. – Если болезнь так долго не отступает, разве он не должен сменить лекарство? – я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. – Нельзя это так оставлять. Жуи, продолжай варить лекарство, а ты, Цзисян, сейчас же ступай в Лекарский корпус и приведи лекаря Вэня. Пусть придет и осмотрит вашу госпожу. И еще мне не нравится, что во дворце фэй Дуань так мало прислуги. Вас двоих явно недостаточно. Цзиньси, сходи в Танли и приведи несколько надежных служанок. Оставим их здесь, чтобы они позаботились о матушке Дуань.

Цзисян и Жуи засияли от радости, услышав мои слова.

Я отправила их выполнять приказы, а сама зашла в спальню. На столике я заметила несколько веточек хризантем. Видимо, их принесла Цзисян, но не успела поставить в вазу, потому что убежала открывать ворота. Я подрезала стебельки и опустила цветы в красивый фарфоровый сосуд. Атмосфера в спальне сразу стала чуточку светлее.

Фэй Дуань пошевелилась, застонала и проснулась. Я подошла к ней, чтобы она могла меня увидеть.

– Откуда ты здесь? – спросила она слабым голосом.

– Я проходила мимо и решила тебя проведать, – ответила я, подкладывая под ее голову мягкую подушку. – А тут мне

сообщили, что тебе нездоровится.

Наложница Дуань через силу улыбнулась:

– Это старая болезнь. Она обостряется каждую осень и зиму. Не беспокойся обо мне, это пустяки.

– Говорят, что болезнь надо подавлять в зародыше. Не следует ее запускать и относиться к ней как к пустяку. Ты должна беречь свое здоровье.

– Мы давно не виделись, – фэй Дуань перевела разговор в другое русло. – Ты заметно исхудала. Но, надеюсь, тебе уже лучше?

Я удивилась, услышав ее вопрос, но потом вспомнила, что во дворце почти не осталось служанок, поэтому некому было приносить свежие сплетни.

– Матушка-фэй, у тебя ведь ясный ум, чуткий слух и острое зрение, ты всегда знаешь, что происходит в гареме, даже не выходя из дворца.

– То, что мы можем с легкостью узнать, это лишь видимая часть, – прошептала она, чуть заметно улыбнувшись. – Ни чуткий слух, ни острое зрение не помогут выведать то, что происходит в сердцах людей.

Сердца людей... В груди неприятно кольнуло после этих слов.

Наложнице Дуань было тяжело разговаривать из-за болезни, но она пересиливала себя:

– Ребенок для матери – самое ценное, что у нее есть. Еще до рождения он становится горячо любимым сокровищем. Я

понимаю твое горе, ведь ты потеряла свое дитя так внезапно.

На лице фэй Дуань отразилась искренняя печаль из-за произошедшего, а еще я заметила, как она выделила слово «внезапно».

Я понимала, на что она намекает, но не могла рассказать ей про «Аромат радости», те самые благовония, что принадлежали Мужун Шилань.

– Я с детства принимала много лекарств, и, боюсь, это навредило моему телу, – прозвучал мой ответ.

– Возможно, и так, – фэй Дуань кивнула. – Но мне почему-то кажется, что сейчас тебя больше всего огорчает то, как император наказал наложницу Мужун.

Стоило только вспомнить о ней, как в сердце всколыхнулась лютая ненависть. Сложно было совладать с эмоциями, от злости хотелось плакать, поэтому я отвернулась, так ничего и не сказав.

– Думаю, она брала пример с покойной императрицы, которая точно так же наказала сяньфэй, – фэй Дуань усмехнулась. – С ней еще мягко обошлись. Я была уверена, что император лишит ее ранга и отправит в Холодный дворец, ведь она чуть тебя не убила.

Я уже во второй раз слышала про сяньфэй, поэтому не удержалась от вопроса:

– Это правда, что у сяньфэй случился выкидыш, потому что она долго стояла на коленях?

– Когда покойная императрица была жива, сяньфэй часто

выказывала пренебрежение. Однажды она сильно оскорбила императрицу. В то время государыня носила под сердцем ребенка и потому была очень чувствительной и нетерпеливой. В наказание она приказала сяньфэй встать на колени перед залом Вэйян. Никто не ожидал, что спустя четыре часа стояния на коленях у сяньфэй пойдет кровь. Только тогда стало известно, что наложница была на втором месяце беременности. К несчастью, она сама об этом не знала и поэтому послушно встала на колени. Покойная императрица была доброй женщиной, в гареме все ее уважали и слушались. Она сильно расстроилась из-за случившегося, и ее еще долго мучило чувство вины, – фэй Дуань вспоминала о прошлом и тяжело вздыхала. – Но ее никто не винил, потому что она не знала о беременности сяньфэй. Если кто и был виноват, то наложница, относившаяся к своему здоровью с непозволительным пренебрежением. Все прекрасно знают, что двухмесячный плод еще слабо держится за организм матери и может не выдержать такого наказания. Будь императрице известно о беременности сяньфэй, она бы никогда не стала наказывать ее таким образом.

Фэй Дуань замолчала, чтобы перевести дыхание и успокоиться.

– Но, полагаю, Мужун Шилань не настолько глупа, чтобы доводить тебя до выкидыша, пока она отвечала за гарем в отсутствие императрицы, – продолжила наложница. – Я уверена, что она хотела унижить тебя и продемонстрировать

остальным свою власть, чтобы потешить свое самолюбие. Думаю, что она больше остальных ужаснулась, когда узнала, что ты потеряла ребенка, – фэй Дуань презрительно хмыкнула. – Как говорится, задумано было хитро, а вышло глупо.

Во мне бурлила злость, и я процедила сквозь зубы:

– Совершенно не важно, сделала она это намеренно или по неведению, главное, что она виновна в смерти моего сына, а я не могу ей отомстить.

Мы еще немного поговорили в ожидании Вэнь Шичу, а когда Цзисян привела его в спальню фэй Дуань, я многозначительно взглянула на него и поднялась. Хозяйка дворца порядком устала от разговоров, поэтому просто кивнула, позволив мне откланяться, и закрыла глаза, чтобы отдохнуть.

Я вышла из дворца и присела на каменную скамью. Мне нужно было обдумать слова фэй Дуань. До сегодняшнего дня я была уверена, что потеряла ребенка из-за того, что «Аромат радости» и долгое стояние на коленях спровоцировали выкидыш, ведь в благовониях содержался вредный для здоровья будущих матерей мускус. Но сейчас я задумалась над тем, что провела во дворце Мужун Шилань не так много времени. Мог ли мускус так быстро подействовать на мой организм?

Задумавшись о последних неделях моей беременности, я вспомнила, что легкое недомогание началось у меня за несколько дней до происшествия во дворце Мисю. Но почему это произошло? Неужели меня настолько ослабил страх

перед властной наложницей? Я всегда ела и пила только из серебряной посуды, я бы заметила, окажись там яд. Так почему же мне уже тогда было нехорошо?

Вэнь Шичу понадобилось время, чтобы осмотреть фэй Дуань, а когда он вышел, я, опустив вежливые приветствия, спросила прямо:

– Почему фэй Дуань так тяжело болеет?

Но лекарь вместо ответа задал мне встречный вопрос:

– Матушка, вы когда-нибудь слышали о лечебной траве сафлор?

Холодок страха пробежал по моей спине.

– Ее ведь применяют для прерывания беременности! – воскликнула я.

Вэнь Шичу кивнул и пояснил:

– Сафлор может активизировать кровообращение и разогнать застоявшуюся кровь. Его используют при задержке лунных дней, при женских болях, при кровотечении после родов и при некоторых травмах. Если эту траву дать беременным, у них и правда может произойти выкидыш, – лекарь поднял голову, и в его глазах я заметила искреннее сострадание. – Но, если вы не беременны и не больны и при этом примете большую дозу сафлора, это нарушит циркуляцию крови и сделает вас бесплодной.

Его слова поразили меня. Я удивленно смотрела на лекаря и не могла вымолвить ни слова, но потом все-таки спросила:

– Вы можете вылечить фэй Дуань?

Вэнь Шичу опустил взгляд и ответил:

– Боюсь, это невозможно. Ваш презренный слуга может обещать только то, что фэй Дуань будет жива. – Он помолчал немного и добавил: – Даже великий мастер не сможет вылечить матушку Дуань.

Вот почему она так любит детей!

Когда я просила привести Вэнь Шичу, я была уверена, что он сделает все возможное, чтобы спасти наложницу Дуань, ведь это было мое личное поручение. Но вот он заявил, что не в силах вылечить ее болезнь, и это значило, что состояние фэй Дуань настолько тяжелое, что даже самый талантливый лекарь был бессилён.

Я не знала, отчего заболела фэй Дуань, но я была ей благодарна за многочисленные советы, и все, что могла для нее сделать, это попросить помощи у лекаря Вэня.

– Я очень надеюсь, что вы сможете сделать так, чтобы она жила, не испытывая боли.

– Ваш презренный слуга сделает все возможное, – Вэнь Шичу вежливо поклонился.

Вспомнив о своих сомнениях, я задала еще один вопрос:

– Я хотела узнать, не могло ли навредить моему телу то лекарство, которое вы мне прописали, когда я избегала благосклонности императора? – Я нерешительно замолчала, но потом спросила прямо: – Не могло ли оно настолько ослабить мое тело, что из-за этого случился выкидыш?

Вэнь Шичу был поражен моим вопросом, поэтому отве-

тил не сразу.

– Я был очень осторожен при составлении рецепта. К тому же, когда вы его принимали, у вас не было симптомов недомогания. Я уверен, что прием этого лекарства не мог привести к выкидышу. Но... как именно оно повлияло на ваше тело, сказать трудно, потому что здоровье у всех разное.

Я почувствовала себя опустошенной. Какой смысл ворошить прошлое, если ребенка уже нет? Его отец давным-давно позабыл про то, что внутри меня еще недавно теплилась новая жизнь.

Вэнь Шичу внимательно наблюдал за мной. Мне стало не по себе, я молча развернулась и ушла.

Цзиньси до сих пор не вернулась. Я решила прогуляться неподалеку и подождать ее, мне не хотелось возвращаться в Танли и весь оставшийся день изнывать от скуки. Мне надо было успокоиться и привести мысли в порядок. Я прошла сквозь цветник и свернула к ручью, протекающему меж каменными горками. Прислушиваясь к пению иволог и журчанию ручья, я шла все дальше и дальше и сама не заметила, как оказалась у декоративной стены, выстроенной из камня тайху³. Только тогда я поняла, что вышла к рожице, что росла позади дворца Июань.

Именно в этом зале император просматривал должност-

³ Камень тайху – вид известняка, добываемый у горы Дунтин в провинции Сучжоу неподалеку от озера Тайху. Такие камни имеют причудливую искривленную форму с порами и отверстиями. Широко используются в декорировании.

ные записки и обсуждал государственные дела. Но чем больше записок он читал и чем дольше слушал безжизненные голоса министров и советников, тем сильнее у него болела голова и тем острее становилось желание гулять на свежем воздухе и слушать щебетание птиц. Поэтому Сюаньлин приказал посадить за Июанем настоящий лес. За десять лет деревья подросли и обзавелись пышными кронами, которые в ветреную погоду шумели подобно морским волнам. Меж густых ветвей сновали выращенные для императорского двора певчие птицы и усаждали слух повелителя красивыми трелями.

Раньше, когда Сюаньлин просматривал докладные записки, я была рядом с ним и ждала, когда он освободится, а потом, если у нас было хорошее настроение, мы гуляли с ним среди деревьев. Он держал меня за руку и нашептывал нежные слова. Это было мирное и прекрасное время, когда никто не смел нас потревожить. Мы уходили в свой мир, где были только он и я: муж и жена, а не император и его подданная.

Сколько же времени прошло с тех пор, как я со спокойной душой входила в двери Июаня? Я давно не бывала в императорском дворце, а он не приходил ко мне в Танли. Когда же мы виделись в последний раз?

Кажется, это было вечером... Нет, это было ранним утром. Мне тогда стало немного лучше, и я нашла в себе силы подняться и сесть перед зеркалом. Когда на гладкой по-

верхности отразилось серое, осунувшееся от тоски лицо, я едва заметно вздрогнула.

В это время пришел император, и ему сразу же подали чай. Его заинтересовало отражение в зеркале, и спустя пару мгновений Сюаньлин поднялся и встал у меня за спиной. Нежно прикоснувшись к моей щеке, он прошептал:

– От шрама не осталось и следа. Хорошо, что рана оказалась неглубокой.

У меня не было сил даже на то, чтобы улыбнуться, и, когда я думала о причине своего изможденного состояния, душу охватывала тоска.

– Я бы очень расстроился, если бы у тебя остался шрам, – продолжил Сюаньлин. – Он стал бы маленьким, но заметным изъяном на твоей коже, подобной белой яшме.

Мне стало тошно от его слов. Я отвернулась и с напускной улыбкой сказала:

– Ваше Величество, вы так сильно заботитесь о внешности своей наложницы.

– Разве можно позволить чему-либо испортить красоту моей Хуаньхуань? – Сюаньлин улыбнулся в ответ.

Я усмехнулась про себя. Оказывается, его с самого начала заботила только моя внешность. Я увернулась от его руки, отошла к кушетке и легла лицом к стене.

Обычно в подобных ситуациях император начинал меня утешать, но в этот раз он рассердился.

– Гуйпинь, ты слишком своенравная! Твой император

помнит, что ты недавно потеряла ребенка, поэтому не будет тебя отчитывать. Но пока ты будешь одна, тебе следует подумать над своим поведением.

Он с негодованием взмахнул рукавами халата и удалился. Больше в Танли он не приходил.

В тот день я спросила у Цзиньси:

– Как думаешь, императору важна только моя внешность?

Служанка осторожно ответила:

– Матушка, вы настолько красивы, что никто не останется равнодушным после встречи с вами.

Хуаньби, стоявшая неподалеку, горько усмехнулась:

– В первую очередь мужчины оценивают внешность, а потом уже характер. Все мужчины любят красивых женщин.

Я покачала головой и сказала:

– Все так, да не совсем. Внешность – это то, что снаружи, а характер – то, что скрыто внутри. Естественно, что первым замечают внешний облик. Если мужчина не польстится на твою красоту, то он и не захочет узнать, какой у тебя характер. Но если вы не сойдетесь характерами, то не сможете жить долго и счастливо. В нашем мире и правда многие мужчины падки на красоту, но бывают и исключения. Вспомни про Чжугэ Кунмина⁴ и его некрасивую жену даму Хуан. Они любили друг друга и уважали. Это доказывает, что не все мужчины одинаковы.

⁴ Кунмин – умный, просвещенный. Прозвище полководца и государственного деятеля Чжугэ Ляна времен эпохи Троецарствия.

– И сколько же найдется таких, как Чжугэ Кунмин? – не успокаивалась Хуаньби.

Теперь пришла моя очередь горько улыбаться. Так и есть, большинство мужчин судят о женщине по ее внешнему виду. Но долго ли длится счастье женщины, которая опирается только на свою красоту? Я наивно полагала, что император хоть немного меня любит, что он дорожит мною, но сегодня он пришел только для того, чтобы убедиться, что я все еще так же красива, как и раньше.

Воспоминания о нашей последней встрече тяжелым грузом лежали на сердце. Еще печальнее было то, что я оказалась в месте, где мы с ним когда-то были счастливы. Мне было тяжело здесь оставаться, поэтому я повернулась, чтобы уйти.

Но стоило мне сделать пару шагов, как я услышала приглушенные голоса. Сердце пропустило удар, и я неосознанно спряталась за дерево. Со стороны дворца шли Сюаньлин и Линжун. Наложница шла чуть позади императора, но, несмотря на это, они весело разговаривали и смеялись, что выдавало их близкие отношения. Когда-то и я точно так же гуляла с Сюаньлином по этой рощице, различие было лишь в том, что мы с ним шли плечом к плечу.

Линжун всегда вела себя очень скромно, и из-за этого ее любили еще больше.

Сегодня на ней была темно-розовая курточка с золотым узором в виде персиковых цветов и воротом, застегиваю-

щимся под подбородком, а также атласная юбка жемчужного цвета с серебристым переливом. Прическу украшала длинная золотая шпилька с жемчужными кисточками. Сочетание скромной и хрупкой натуры Линжун и великолепного наряда было очень необычным и придавало ей опьяняющее очарование.

– Ваше Величество, – негромко заговорила Ань Линжун, – вы давно не навещали сестрицу Чжэнь. Не хотите ли сегодня вечером сходить к ней?

Сюаньлин ответил не сразу, словно бы подбирая слова. Наконец он вздохнул и сказал:

– Я не навещаю ее не потому, что не хочу. Я понимаю, что она горюет по потерянному сыну, и я тоже этим опечален. Дело в том, что она стала слишком строптивой, а добродетельная женщина не должна быть такой своенравной. – Император посмотрел на Ань Линжун и улыбнулся. – Как было бы хорошо, если бы она хотя бы наполовину была такой же покладистой, как ты.

Его слова стали для меня сильнейшим ударом. Глаза словно пронзило чем-то острым, и я почувствовала невыносимую боль. Все вокруг стало размытым, и даже ствол, за которым я пряталась, странно искривился. Оказывается, император считал, что я слишком упрямая, что я не могу быть терпеливой и покладистой. Его недовольство стало для меня неприятным открытием. К тому же он упрекал меня не перед кем-нибудь, а перед своей любимой наложницей.

Линжун ненадолго задумалась, а потом прошептала:

– Если моя сестра чем-то вызвала ваше недовольство, пожалуйста, простите ее. Надеюсь, вы сможете понять, как ей больно из-за потери сына. Сестрица очень страдает.

– Я знаю, что она страдает, но и я тоже! – возмутился Сюаньлин. – Почему она совершенно не думает обо мне? Я одного за другим потерял двух сыновей! Я даже во дворце не могу найти покоя из-за постоянных ссор и пересудов! А она мне даже улыбнуться не может. Видимо, я слишком ее разбаловал.

Как же мне стало смешно! Оказывается, по его мнению, я была слишком избалована, и поэтому мне было так больно после потери ребенка.

Линжун, увидев, что ее слова разозлили императора, испуганно воскликнула:

– Ваша рабыня не это имела в виду!

Император горестно вздохнул:

– Когда Хуаньхуань улыбается, она становится еще прекраснее. Каждый раз, когда я слышал, как она корит себя, я пытался ее утешить и повторял, что это не ее вина, но она не прислушалась к моим словам. Честно говоря, я немного скучаю по ней. Наверное, мне и правда надо ее навестить, когда будет свободное время. – Подумав немного, Сюаньлин добавил: – Вы ведь с ней как сестры, и ты знаешь, какой у нее характер. Она опять погрузилась в тоску, а мне тяжело видеть ее такой.

– Моя сестрица родом из хорошей семьи, она умна и начитанна. Я ею восхищаюсь и очень надеюсь, что Ваше Величество любит ее так же сильно, как и прежде. Мне кажется, что она не понимает этого, и потому все время грустит и не может вас порадовать. Как только сестрица Чжэнь поймет, что все еще дорога вам, она снова станет такой, какой вы ее полюбили. Государю лучше пока не видеться с ней, чтобы она не ранила вас случайно оброненным словом. Я сама пойду к ней и поговорю, а потом, когда она во всем разберется, вы ее навестите. И тогда все будут рады и довольны. – Линжун говорила и внимательно следила за лицом императора. – Но это лишь скромное мнение вашей рабыни. Надеюсь, Вашему Величеству не наскучила моя болтовня.

– Ничего подобного, – ответил Сюаньлин. – Я рад, что ты так внимательно относишься и к чувствам своего государя и гуйпинь Вань.

Ань Линжун скромно опустила голову и с грустью сказала: – Государь, вы слишком добры. Я не заслужила похвалы. Я просто хочу, чтобы вы всегда были счастливы. На самом деле я не так добродетельна и умна, как старшая сестрица, готовая в любой момент разделить с вами ваши тяготы и заботы.

– Жун-эр, зачем ты себя принижаешь? Вы с наложницей Вань как весенние цветы и осенняя луна. Вы разные, но у каждой из вас есть свои достоинства.

Линжун улыбнулась, и ее улыбка была легкой и нежной.

– Так кто же больше нравится Вашему Величеству: я или моя сестрица?

Сюаньлин колебался всего мгновение.

– Сейчас мне больше нравится моя Жун-эр, – с улыбкой ответил он.

У меня перехватило дыхание, словно горло сдавили железными тисками. Печаль, заставившая меня плакать, после этих жестоких слов превратилась в боль и разочарование, и теперь я не могла выдавить ни слезинки. Мое иссушенное горем сердце заныло так, точно его сжали чьи-то руки и начали растирать в кровавый порошок. Ветер ударил в лицо, одновременно опалая жаром и обдавая холодом. Кожа зудела, будто по ней ползали сотни насекомых. Столько дней и ночей я окружала его заботой и лаской, но все это было напрасно. Он того не стоил! Я оцепенела и не могла сделать ни шага, а мне так хотелось убежать!

Сюаньлин хотел что-то сказать, но внезапно закашлял. Линжун обеспокоенно посмотрела на императора и прикоснулась к его груди.

– Ваше Величество, вы, должно быть, очень заняты государственными делами и сильно устаете. Я своими руками собрала листья мушмулы и велела потушить их с сахаром. Это средство подходит для облегчения кашля и отхождения мокроты и при этом оно сладкое, а не горькое.

– Спасибо, что так стараешься, но... – император вдруг улыбнулся. – Но если бы не ты, я бы и не кашлял.

Наложница Ань удивилась и слегка обиженным тоном произнесла:

– Да, я признаю свою вину, но скажите, прошу вас, в чем именно я провинилась.

Сюаньлин ущипнул ее за мочку уха.

– Я спрашивал тебя, не потеряла ли ты кое-что, а ты ни в какую не хотела говорить мне правду. Если бы не это, я бы и не простудился вовсе.

Линжун засмушалась и покраснела так, словно вся кровь разом прилила к ее лицу. Она огляделась по сторонам, чтобы проверить, что рядом никого нет, и кокетливо прошептала:

– Ваше Величество, прошу вас, не говорите столь неподобающие вещи.

Ее наивная застенчивость не оставила Сюаньлина равнодушным. Он весело расхохотался, и его смех спугнул прятавшихся на ветвях птиц и заставил мое сердце биться быстрее. Я замерла подобно изваянию...

Наконец Сюаньлин и Линжун ушли. К этому времени заходящее солнце, нависающее над верхушками деревьев, окрасило половину неба в красный цвет, и теперь оно напоминало холст, облитый алой кровью. Вокруг было тихо и безлюдно. Время от времени с деревьев взлетала птица и, пронзительно вскрикивая, улетала прочь.

Я шла, не осознавая, куда ступаю, и ничего не видя перед собой, хотя слез не было. Сердце ныло, легкие болезненно сжимались. Я ощущала внутри нестерпимую пустоту. Руки

и ноги плохо меня слушались, они были холодны как лед. Я не знала, куда мне податься. Если я вернусь в таком состоянии во дворец, Лючжу и остальные начнут беспокоиться и спрашивать, что случилось. Но если я не вернусь в Танли? Пусть территория императорского гарема огромна, но вряд ли для меня здесь найдется укромное местечко.

Ноги совсем ослабли. Мне казалось, что я ступаю по толстому слою ваты. Каждый шаг давался мне с трудом, но я наконец вышла к улочкам гарема, выложенным гладкими голубоватыми плитами. Тут мне навстречу выбежала Цзиньси. Она бежала, обеспокоенно оглядываясь по сторонам. Завидев меня, служанка с облегчением выдохнула и накинула мне на плечи блестящий плащ.

– Простите, госпожа. Я слишком долго заставила вас ждать, выполняя ваше поручение, – сказала служанка, а потом заметила, какое бледное у меня лицо и какие холодные руки. – Что с вами случилось, матушка? – с тревогой спросила она. – Где же вы были? Я так за вас переживала!

Я с силой потерла уголки глаз, хотя слезы давно уже высохли, и тихонько ответила:

– Ничего не случилось. Просто глаза заслезились из-за ветра.

– Матушка, вы могли простудиться из-за холодного ветра. Давайте поскорее вернемся во дворец, чтобы вы могли передохнуть.

Когда мы вернулись в Танли, Хуаньби и Лючжу, увидев

меня, удивленно замерли и не осмелились о чем-либо спросить. Они хотели вызвать лекаря, но я запретила и отослала их отдыхать.

Вечерело. Свечи еще не зажгли, поэтому зал постепенно погружался в темноту. Таковую же густую, как та, что окутала мое сердце.

Я накрылась толстым ватным одеялом, и слезы, которые я так долго сдерживала, хлынули непрерывным потоком. Они стекали по щекам, и на кровати появлялись влажные и теплые пятна.

Глава 2. Очень тоскую по тебе

Когда сердце покрылось толстой коркой льда, мое тело не выдержало. Я слабела с каждым днем. К старой болезни, от которой я еще не до конца оправилась, присоединилась новая, и я слегла. Заболевание было не очень серьезным, но я оказалась прикована к постели.

О моем недомогании знали только самые близкие слуги. В последующие дни Сюаньлин ни разу не вызывал меня и не приходил в Танли. Со временем про меня начали забывать, и мой дворец стал самым тихим местом в наполненном суетой гареме.

Поначалу многие отнеслись равнодушно к тому, что император одарил благосклонностью скромную и непримечательную наложницу Ань. Они считали, что дочери из незнатной и небогатой семьи, обладательнице милой, но не выдающейся внешности, нечем удержать государя, кроме ее приятного голоса. По мнению большинства, Линжун не сильно отличалась от Юй, бывшей сладкоголосой любимицы императора, поэтому они считали, что через пару месяцев интерес Сюаньлина угаснет. Но он, напротив, увлекался ею все сильнее. Ему нравился ее покладистый характер, ее робость и застенчивость. В это время ни я, ни наложница Мужун ничего не предпринимали, и Ань Линжун стала той самой цветущей ветвью, что выделялась среди зеленой листвы.

Во дворце Танли стало пустынно и тихо, как в садах поздней осенью. Меня навещал лишь Вэнь Шичу. Никто другой из Лекарского корпуса не пожелал заниматься моим лечением. Дворцовые служанки и евнухи, всегда стремившиеся к блеску и льнувшие к сильным, обходили Танли стороной. Раньше мой дворец и дворец Мисю, в котором хозяйничала Мужун Шилань, были самыми оживленными местами в гареме, а теперь они оба опустели и были всеми позабыты.

С каждым днем во дворце становилось все тише. Зачастую центральные красные ворота были закрыты даже днем. Теперь уже не во дворе Танли было шумно как на рынке, а перед павильоном Минсэ, где проживала Линжун. Так много было у нее посетителей. А самыми частыми гостями моего двора стали воробьи, порхающие с ветки на ветку. Наложницы тоже про меня позабыли. Лишь фэй Цзин и Мэйчжуан приходили проведать меня. Дворцовые слуги постепенно привыкли к тихой жизни и стали развлекаться тем, что разбрасывали во дворе просо и смотрели, как на него слетались птицы. С каждым днем птицы становились смелее и начинали запрыгивать людям на руки, чтобы поклевать зерно с ладоней. Щебетание птиц разбавляло гнетущую тишину.

С того самого дня, когда я нечаянно подслушала разговор императора и Линжун, мое сердце наполнилось холодом, а та скромная надежда, которую я лелеяла в глубине души, исчезла. Я поняла, что лучше нам с ним не встречаться. Линжун все эти дни была занята: она служила императору по но-

чам, посещала каждый вечерний банкет и украшала вечера пением и танцами. Не было ничего удивительного в том, что она так и не пришла ко мне, чтобы поговорить о наших отношениях с Сюаньлином. Лишь изредка она присылала Цзюйцин с едой и закусками, чтобы показать, что она все еще помнит про болезную старшую сестрицу.

Хотя Мэйчжуан и радовала меня своими визитами, но чаще всего она просто сидела и молчала, глядя на меня со странным выражением лица.

Однажды я спросила напрямик:

– Сестрица, почему ты так на меня смотришь?

Она улыбнулась и ответила:

– Мне просто любопытно, что бы с тобой было, если бы ты по-настоящему разочаровалась в императоре и потеряла надежду.

– А что, разве похоже, что я в нем не разочаровалась и все еще на что-то надеюсь?

– А сама как думаешь? Если бы ты отказалась от него, ты не страдала бы так и не заболела.

На мгновение я потеряла дар речи, а потом откровенно сказала:

– Я очень надеюсь, что мы с ним больше не увидимся.

Мэйчжуан улыбнулась и покачала головой.

– Мы с тобой разные, – сказала она. – Мы с императором изначально не были близки, поэтому он без раздумий заточил меня во дворце, запретив выходить, а потом сразу поза-

был. Но благодаря этому я осознала, насколько он холоден и что не следует полагаться на его любовь. Пускай он вернул мне положение при дворе и даже одарил благосклонностью, но они мне больше не нужны, и я уже не страдаю от его невнимания – Мэйчжуан посмотрела мне в глаза и повторила: – Мы с тобой разные.

– Потому что я любила императора сильнее, чем ты? – шепотом спросила я, задавая этот вопрос скорее не ей, а самой себе.

– Если бы твои чувства к государю исчезли, ты бы не стала так сильно печалиться из-за его слов и поступков. – Подруга замолчала, а потом добавила: – На самом деле император все еще тепло к тебе относится, и ты это знаешь.

Я усмехнулась и посмотрела в окно. Мысли Сюаньлина сейчас заняты только государственными делами и Линжун. Опустив голову, я взглянула на полупрозрачные бледные ногти. За окном шел холодный осенний дождь, и слышно было, как тяжелые капли с глухим звуком падали на пожелтевшие листья платана.

– Линжун когда-то была нашей подругой. Пускай сейчас ее слова разнятся с поступками, но не думаю, что надо ее опасаться. Просто следует быть настороже, как и всегда. Я не хочу бороться с ней за благосклонность императора, потому что считаю это ниже своего достоинства. К тому же очевидно, что императору она нравится больше, чем я.

Мэйчжуан усмехнулась.

– Когда ты была на вершине, ты помогла Линжун заполнить расположение императора. А она что-нибудь для тебя сделала, став фавориткой императора? Она может тебе помочь, и тогда вам не надо будет бороться друг с другом. А если она не поможет? Ты готова состариться в одиночестве в этом дворце? – подруга презрительно фыркнула. – Не забывай, что сегодня императору больше нравится она, а завтра он снова посмотрит на тебя. У него очень переменчивое сердце. Мы, женщины, всегда стараемся, чтобы понравиться другим. Если ты опустишь руки, то будешь нравиться ему все меньше и меньше, пока не наступит тот день, когда он и вовсе позабудет про тебя.

Я молча смотрела на увядшие и местами почерневшие хризантемы, по которым безжалостно хлестал дождь. Налетел сильный холодный ветер и сорвал последние желтые лепестки. Увядшей и изуродованной оказалась не только хризантема «Ли Иань», но и я, Чжэнь Хуань. В свое время Иань тосковала по Чжао Минчэну, а что же я?⁵ Наше прошлое было прекрасно, но вслед за ним наступило настоящее, наполненное разочарованием и скорбью.

Может быть, Мэйчжуан говорит правду, и я еще не отказалась от Сюаньлина? Если бы в глубине души я сдалась, то разочарование и грусть не приносили бы столько боли.

⁵ Ли Цинчжао (затворница Иань) – поэтесса времен династии Сун. После смерти мужа Чжао Минчэна ее стихи наполнились тоской по покойному возлюбленному.

– Ты тоскуешь по императору и жаждешь его любви, – заговорила подруга, – поэтому так грустишь и беспокоишься, кого же он любит сильнее. Если бы ты была к нему равнодушна, то не стала бы печально вздыхать, а придумала бы план, как заставить его любить тебя больше всех остальных. Хладнокровный человек не станет тратить время на грусть.

– Мэйчжуан, неужели я такая глупая? Я мечтала о чистой любви и об искреннем душевном тепле и наивно полагала, что получу это от нашего государя.

Подруга задумалась, а потом ее губы сложились в красивую улыбку.

– А что, если я такая же? – она заглянула мне в глаза, и я увидела, что ее грусть испарилась, как капля воды на жаровне. Она весело улыбнулась и сказала: – А может, я даже глупее тебя! Представляешь, в этом мире есть кто-то глупее тебя, и этот человек – я.

Я с удивлением смотрела на Мэйчжуан и не узнавала ее. Это уже была не та девушка, которую я знала с детства. В какой-то момент она сильно изменилась, а я этого не заметила.

Я подошла к ней и взяла за руку.

– Сестрица, о чем это ты?

– Хуань-эр, ты можешь грустить, но не слишком долго, – сказала она, уходя от ответа. – В императорском дворце и так много страдалец, не надо становиться одной из них. – Мэйчжуан поднялась и поправила юбку, напомиनावшую наполовину раскрывшийся цветок. – Если не прогонишь грусть, то

останешься несчастной до конца жизни.

В следующие дни я большую часть дня проводила в постели. Мне было лень вставать из-за непрерывного холодного дождя. Да и никто от меня этого не требовал, потому что гостей в Танли почти не было. Однажды я лежала и скучала, и неожиданно из-за дверей объявили, что пришла принцесса Жунаня ванфэй⁶ Хэ.

Ее приход меня ошеломил. Мы встречались с ней всего пару раз, и при этом она была женой принца Жунаня, сторонника наложницы Мужун. Зачем она пришла к позабытой всеми больной наложнице, которой пренебрегал сам император? Я хотела велеть служанке сказать, что я не принимаю, но принцесса Хэ зашла в мои покои без приглашения.

Она по-доброму мне улыбнулась и присела на стул рядом с кроватью.

– Я прибыла во дворец, чтобы засвидетельствовать почтение императрице-матери и справиться о здоровье нашей императрицы, но, как только услышала, что вы приболели, сразу поспешила к вам.

Я торопливо пригладила волосы и потерла щеки, чтобы на них появился румянец. В последние дни, пока я недомогала, я не мылась и толком не ухаживала за собой, поэтому выглядела неприлично неряшливо. Я не могла подняться с постели, поэтому склонила голову в знак приветствия и сказала:

⁶ Ванфэй – это титул главной (официальной) жены принца в императорском Китае.

– Простите, что предстала перед вами в таком смешном виде, ванфэй. Я не собиралась принимать гостей, пока болею. Ваш визит оказался для меня большой неожиданностью. Извините, что не могу поприветствовать вас как следует.

Принцесса Хэ ничего не сказала и лишь скользнула взглядом по одеялу в том месте, где был мой плоский живот. Она напомнила мне о пережитой утрате, и мое сердце вновь сжалось от боли.

– Мы не виделись с гуйпинь всего три или четыре месяца, а тут...

Я выдавила из себя улыбку:

– Спасибо за заботу, ванфэй.

В глубине души я относилась к ней с настороженностью, ведь она была женой союзника наложницы Мужун, но старалась быть вежливой. Принцесса не стала засиживаться у меня в гостях.

– Матушка, берегите себя, – сказала она, поднимаясь, а потом указала на стол. – Я принесла вам столетний женьшень. Это подарок в знак признательности. Надеюсь, что он благотворно повлияет на ваше здоровье.

Я взглянула на небольшую коробочку и сказала:

– Благодарю за теплое отношение.

Ванфэй Хэ улыбнулась:

– Если у вас возникнут какие-либо сомнения и вы захотите его выбросить, то поступайте так, как считаете нужным.

Я растерянно посмотрела на гостью:

– Разве можно выбрасывать столетний женьшень? Не говорите так.

Но после того, как она ушла, я велела убрать ее подарок подальше.

Два дня спустя на закате дождь, что барабанил по крышам уже почти половину месяца, наконец прекратился. Когда оставшиеся капельки дождя падали с листьев, воздух наполнялся давно позабытым сладковатым ароматом свежести.

На востоке над ивами взошла луна – тонкий серебристый крючок, напоминающий изящную женскую бровь. Я чувствовала себя немного лучше, поэтому велела слугам вынести во двор цитру, что носила имя «Очень тоскую по тебе». Мне хотелось сыграть, глядя на изогнутый месяц. Я представляла, как это будет красиво.

С тех пор как я заболела, подобные желания посещали меня редко. Хуаньби и Лючжу обрадовались, что я наконец решила покинуть темные покои, и присоединились ко мне во дворе. Я склонилась над инструментом и легонько перебирала струны, не задумываясь над тем, что играю. Мелодия возникла сама собой и выразила мои сокровенные мысли:

Очень тоскую по тебе, душа моя болит.

Солнце заходит, дымка скрывает цветы.

Луна как белый шелк ярка и не дает уснуть.

Играла я на цитре, где пара фениксов сидит, но

прекратила.

Подумала о цитре я другой, но струн коснуться не решилась.

Мелодия пропитана любовью, но слушателей нет.

Пускай весенний ветерок несет ее к горе Яньшань.

Синее небо над нами одно, но ты далеко от меня.

Из игривых раньше глаз льются бесконечные слезы.

Если не веришь, что моя душа разрывается на части,

Возвращайся и взгляни на мое отражение в зеркале⁷.

Неужели беззаботный и свободолюбивый Ли Бо тоже тосковал по любимой? Он, как и я, стремился сохранить горькие воспоминания, потому что среди горечи скрывались сладкие моменты? Я не могла забыть тот день, когда Шанлинь наполнился ароматом цветущих абрикосов и я впервые встретила Его Величество. Пускай он разбил мое сердце, но это воспоминание я сохраню навсегда, потому что в тот день, когда он явился передо мной, окруженный абрикосовым цветом, у меня впервые затрепетало сердце при виде мужчины.

«Из игривых раньше глаз льются бесконечные слезы». Я все никак не могла решить, стоит мне плакать или нет.

⁷ Здесь и далее перевод стихотворений выполнен переводчиком книги. Стихотворение китайского поэта Ли Бо «Очень тоскую по тебе» состоит из трех частей. В первой части с помощью описания пейзажа рассказывается о мужчине и женщине, тосковавших друг по другу; вторая часть написана от лица женщины, разлученной с любимым; третья часть написана от лица мужчины, который вспоминает о возлюбленной.

Передо мной лежала цитра гуйфэй Шу. Сам покойный император дал имя этому инструменту – «Очень тоскую по тебе», а свою флейту нарек «Любим и бережем друг друга». Подумав об этой паре, я тут же представила, как в прошлом весенними вечерами, когда вокруг цвели цветы, а на небе светила полная луна, наложница Шу перебирала струны цитры, а император играл на флейте, и по залам дворца разносилась чудесная гармоничная мелодия. Какая это была прекрасная сцена! Но они не знали о той сокрушительной и невыносимой тоске, которая сжимала мое сердце. Жаль, что в истории династии Чжоу больше не было никого похожего на гуйфэй Шу и покойного императора.

Взгрустнулось, и пальцы стали бегать по струнам медленнее. Я сыграла только первую строфу, а на вторую уже не осталось сил.

Но в тот момент, когда замолкла цитра, издалека донеслись едва уловимые звуки флейты. Кто-то выводил первую часть «Очень тоскую по тебе»:

Очень тоскую по тебе, пока ты там, в Чанъане.
Осенней ночью кузнечики стрекочут на колодце.
Морозно по ночам, циновка леденеет.
Свет одинокой лампы наводит лишь печаль.
Поднимая занавеску, люблюсь на луну, вздыхаю.
В небесной выси мелькает любимый образ.
Выше только синее небо, ниже – безбрежное море.
Я днями и ночами с большим трудом тянусь к тебе,

Но даже во сне не преодолеть ту гору, что между нами встала.

Легкие, едва различимые звуки, доносившиеся издалека, были наполнены нежностью и теплотой, чем и трогали сердца людей. Я спросила у служанок, слышат ли они флейту, но получила в ответ лишь озадаченные взгляды. Я уже было подумала, что мне послышалось, но тут я обратила внимание на Хуаньби. Казалось, она глубоко задумалась и ушла в себя.

– Ты ведь тоже ее слышишь? – обрадовалась я.

Хуаньби мыслями была так далеко, что не сразу поняла, о чем я ее спрашиваю.

– Кажется, эта мелодия очень похожа на ту, что вы только что играли, – сказала она.

Я играла «Очень тоскую по тебе», но моему исполнению не хватало той грусти и нежности, которые я улавливала в звучании флейты. В ней не было искренней тоски по любимому. Доносящаяся издалека мелодия вызывала во мне эмоции в десятки раз сильнее.

Я поднялась, подошла к двери и прислушалась. Звуки становились то выше, то ниже, словно покачивались на волнах. Тихой и теплой ночью, так похожей на весеннюю, моему сердцу наконец-то стало легче. Во дворе время от времени пел соловей, и его прекрасный голос сливался с музыкой флейты, создавая чистую и звонкую мелодию, напоминающую звук жемчужин, падающих на нефритовую тарелку.

Я снова села за цитру и взмахнула рукавами. Из-под пальцев вырвались чистые и нежные звуки, и на этот раз мелодия наполнилась подлинной тоской.

Звуки флейты становились отчетливее, словно бы музыкант приближался к дворцу. Перебирая струны, я следовала за темпом, который он задавал. Все мои мысли были только об одном: мне хотелось создать гармонию между цитрой и флейтой. На несколько прекрасных минут я позабыла обо всех своих несчастьях. Мягкое звучание струн и пронзительные звуки флейты сливались воедино, создавая нежную и трогательную мелодию, рассказывающую о сокровенных тайнах наших сердец. Время словно бы замерло, а вместе с ним застыли капельки росы на ивовых листьях и цветах, и даже луна не двигалась с места, не желая скрываться за облаками. Две мелодии накладывались друг на друга и эхом раздавались по округе. Но вот подул легкий ветерок, роса засияла в лунном свете, тени закачались, послышался переливчатый звон яшмовых подвесок. Когда чудесная забываемая мелодия наполнила двор Танли, даже соловей замолк, словно прислушивался к ней.

– Давно я не слышала, чтобы госпожа так красиво играла, – тихонько произнесла Цзиньси.

– Вы все еще не слышите флейту? – снова спросила я у слуг.

Старшая служанка слегка склонила голову и прислушалась.

– Кажется, я что-то слышу, но звук едва уловимый.

Я и не ждала, что она расслышит далекую мелодию, и озадачилась другим вопросом:

– Есть ли кто-то среди наложниц, кто так хорошо играет на флейте?

Я отодвинула цитру и поднялась. Хуаньби без указания подхватила плащ. Ее глаза были полны предвкушения. Я сразу же догадалась, о чем она думает.

– Тебя тоже тронула эта мелодия? – спросила я у нее.

Хуаньби вместо ответа улыбнулась и предложила:

– Не хотите ли прогуляться, госпожа?

Яркая луна освещала длинную, изогнутую в нескольких местах галерею. В прежние времена наши предки, желая ощутить чудесный аромат, блуждали по снегу в поисках цветущих слив, я же вышла на поиски флейтиста, что сыграл мелодию, тронувшую мое сердце. Я шла на звук, напоминающий тихое журчание родниковой воды. Мелодия была той самой тонкой струйкой, которая вела меня к живительному источнику. Мы с Хуаньби шли все дальше и дальше, осторожно ступая по тускло освещенной галерее.

И вот мы увидели мужчину в белом одеянии. Он держал у губ фиолетовую флейту и тихонько играл, наблюдая за красивой луной. Несмотря на холодный осенний ветер, в этот момент он был умиротворен и счастлив.

Подойдя ближе, я наконец узнала флейтиста. Я застыла как каменное изваяние, думая о том, что наша встреча на-

рушает правила дворцового этикета. Хуаньби, судя по приподнятым бровям, тоже не ожидала, что таинственным музыкантом окажется именно он. Я хотела развернуться и уйти, но вспомнила, что он не оставил меня в беде, когда моей жизни угрожала опасность. Поэтому я осторожно подошла к нему и кивнула. Хуаньби подошла следом, улыбнулась и поклонилась. Я удивилась ее поведению, потому что это был самый обычный поклон, но поразмыслить об этом я не успела, Хуаньби уже отступила мне за спину.

Принц Сюаньцин взглянул на меня и тут же отвернулся.

– Ты сильно похудела, – сказал он.

Я улыбнулась в ответ:

– В это время года, когда западный ветер вздымает занавески, люди становятся стройнее желтой хризантемы⁸.

Принц посмотрел на меня с жалостью и нежностью. Я не могла вынести его взгляд и отвела глаза. Отступив на два шага назад, я оправила одежду и торжественно заявила:

– Ваше Высочество, в тот день вы спасли наложнице жизнь. Я всегда буду об этом помнить и буду вечно вам благодарна.

Мои слова застали его врасплох. Глаза, которые только что излучали тепло, наполнились холодом.

– Гуйпинь, обязательно вести себя так отстраненно? Прости, что в тот день мне не удалось спасти твоего ребенка.

⁸ Цитата из стихотворения «Туман, густые облака, тоскливый день» поэтессы Ли Цинчжао, в котором описывается тоска по любимому.

Во дворце ходили слухи, что принц Цинхэ ворвался во дворец Мисю и спас меня только потому, что я была любимой наложницей императора. Таким образом принц хотел угодить старшему брату. Именно поэтому он расстарался на праздновании моего дня рождения, и поэтому решился прийти на помощь в трудную минуту. Говорили, что он спасал не меня, а нерожденного принца. Но я-то понимала, что он вторгся во дворец Мужун Шилань не из-за этого. Но, несмотря на причины, он оказался единственным, кто постарался меня спасти.

– Хотя сейчас я в незавидном положении, я всегда буду помнить о вашем добром отношении, – сказала я с легкой улыбкой. – Если вам когда-нибудь понадобится помощь наложницы, я сделаю все, что в моих силах.

– Мне неловко слышать, как ты называешь себя наложницей, – принц рассмеялся, а потом резко стал серьезным. – Гуйпинь, я поступил так не потому, что хотел получить что-то взамен.

Я кивнула, а сама подумала, что, если бы я могла сразу отплатить ему услугой за услугу, это было бы безопаснее.

– Надеюсь, гуйпинь не посчитает меня таким человеком. Мне просто хочется, чтобы у тебя все было хорошо, потому что мне кажется... что мы могли бы стать добрыми друзьями, – принц Сюаньцин помолчал и спросил: – Гуйпинь, что тебя привело в это безлюдное место?

Я улыбнулась и указала на фиолетовую флейту.

– Ваше Высочество, как вы думаете, кто только что играл на цитре?

– Я догадывался, что это могла быть гуйпинь.

– А вы верите в родство душ? – спросила я осторожно, но в вопросе таилась ловушка.

Стройный силуэт в белом одеянии, освещенный луной, был олицетворением душевной теплоты и спокойствия.

Принц не почуял подвоха и ответил серьезно:

– Верю.

Он ответил искренне, не сомневаясь ни секунды, из-за чего я почувствовала себя виноватой. Зачем я заставила его отвечать? Но слова уже сказаны, и мне придется продолжать.

– Именно поэтому Ваше Высочество вовремя поняли, что я оказалась в затруднительном положении во дворце Мисю, и пришли мне на помощь.

Принц растерянно молчал, а я... Я отвела взгляд и прошептала:

– Я понимаю, что вы поступаете так ради моего блага, но, если станет известно, что вы встречаетесь наедине с моей личной служанкой, пострадает ваша репутация.

В глазах принца промелькнула радость:

– Спасибо за заботу, гуйпинь.

Я была благодарна ему за понимание. На душе стало теплее, словно к сердцу на мгновение прикоснулась нежная рука.

– На самом деле, если про это узнают, то для меня и моей

служанки это будет даже хорошо. Я просто отдам ее вам в наложницы, – пошутила я.

Принц Сюаньцин кашлянул и негромко ответил:

– Надеюсь, гуйпинь шутит. Если же ты серьезно, то мне придется отказаться.

Я приподняла рукава и, задумавшись ненадолго, спросила:

– Ваше Высочество, а вы почему здесь?

– Мой дорогой брат устроил пир и созвал всех принцев и прочую родню.

– Вы опять сбежали с пира? – я не сдержалась и рассмеялась.

Принц засмеялся вместе со мной.

– Обычное дело. – Он помолчал и добавил: – Рядом с императором сидит сяююань Ань. Мне кажется, что я ее уже видел.

– Это бывшая мэйжень Ань.

– Правда? – принц оперся на красные перила. – Сяююань Ань стала петь гораздо лучше, вот только еще не обрела уникальную манеру.

– Но ведь главное, чтобы ее пение нравилось императору. Разве не так?

Принц задумался над моими словами, а затем повернулся ко мне и негромко сказал:

– Цитра рассказала о твоих сокровенных мыслях.

Я опустила голову, наблюдая за тем, как ветер развеивает

подол моей юбки. Я и правда сильно похудела, и поэтому рукава стали такими же свободными, как рукава-бабочки.

– Это всего лишь песня, – осторожно ответила я.

– Музыка может трогать сердца людей. И эта песня затронула струны не только моей души, но и души гуйпинь.

Сердце болезненно сжалось, когда я задумалась о смысле «Очень тоскую по тебе». На глаза навернулись слезы, но я совершенно не хотела плакать перед принцем. Я понимала, что если начну плакать, то грустно будет не только мне. Подняв голову, я быстро заморгала. Когда слезы отступили, я посмотрела на собеседника и натянуто улыбнулась.

Принц Сюаньцин обеспокоенно следил за мной. Его глаза подозрительно блестели, отражая лунный свет. Он неосознанно приподнял руку, словно хотел пригладить волосы на моем виске. Я остолбенела, а сердце охватил смутный страх. Вокруг было так тихо, что можно было услышать, как из-за порывов ветра на землю падают крошечные лепестки османтуса. Лунный свет был не очень ярким, но, когда бледные лучи ночного светила опускались на мои волосы, они начинали блестеть, и блеск этот был мрачным и холодным. Словно даже волосы были против проявлений чужой доброты. Я испуганно замерла, понимая, что уже давно моя жизнь, мое тело и волосы, как часть его, всецело принадлежат Сюаньлину, и никто не имеет права к ним прикасаться.

Кажется, принц Сюаньцин тоже вспомнил об этом, потому что его рука замерла около моего виска, словно превра-

тилась в камень.

Я резко отвернулась, чтобы не видеть его. Атмосфера между нами приобрела горький привкус.

– Что это за место? – небрежно спросила я, решив сменить тему разговора. – Почему здесь никого нет?

Принц отошел от меня, и поэтому его голос звучал не так четко, как раньше:

– Когда-то здесь располагался молитвенный зал тайхоу Чжаосянь. – Принц замолчал на пару мгновений, а потом прошептал: – Однажды моей матери в наказание приказали стоять здесь на коленях.

Тайхоу Чжаосянь была главной женой отца покойного императора Лунцина. После смерти его родной матери, тайхоу Чжаохуэй, именно она воспитывала его с самого детства. У императора и его приемной матери были очень хорошие отношения. Но когда в его жизни возникла гуйфэй Шу, они чуть не рассорились. Вскоре выяснилось, что тайхоу Чжаохуэй умерла не без помощи тайхоу Чжаосянь, захотевшей стать регентом при маленьком императоре и навсегда закрепить за собой титул вдовствующей императрицы. После кончины тайхоу Чжаосянь император приказал оставить ей титул, но запретил ставить ее поминальную табличку в Храме императорских предков и совершать обряды поклонения. Также он велел установить ее гроб в усыпальнице наложниц, а не рядом с гробом почившего императора. Император Лунцин запретил присваивать ей посмертный титул, и

запрет этот распространялся и на последующие поколения. Место упокоения тайхоу Чжаосянь быстро пришло в запустение, потому что за ним никто не присматривал.

Становилось прохладнее. Галки, сидевшие на деревьях, время от времени издавали беспокойные крики, пронзающие тишину. Поздней осенью роса быстро превращается в иней, и я не заметила, как рукава и подол моей одежды стали ледяными.

– Император устроил пир. Принцу не следует слишком долго отсутствовать, – сказала я напоследок, после чего развернулась и пошла прочь. – В конце концов, это противоречит правилам этикета.

Принц Сюаньцин кивнул и заиграл нам вдогонку веселую мелодию. Музыка должна была принести радость, но я почувствовала себя крайне одинокой. Мы шли по пустынной галерее, и казалось, что подол юбки сметал не только накопившуюся здесь пыль, но и что-то еще. Внезапно я ощутила на щеках влажное тепло, напомнившее о его слезах, которые падали на мое лицо в тот злополучный день, когда я потеряла сознание. Дойдя до последнего поворота, я заметила краем глаза силуэт принца. Он все еще стоял на том же месте и провожал меня подбадривающей мелодией. В его глазах мелькнуло разочарование, и я была уверена, что мне не показалось.

До территории императорского гарема вела длинная и безлюдная по вечерам дорога. С обеих сторон ее огражда-

ли высокие дворцовые стены. Прохладный ветерок приносил смутные звуки пения, веселой музыки и звон бокалов. Мы с Хуаньби шли не спеша, и наши тени скользили по голубоватым плитам, сливались воедино, словно мы были одним целым.

Я раздумывала, как завести разговор, но в конце концов решила спросить прямо:

– Когда ты начала общаться с шестым принцем?

Хуаньби в ужасе расширила глаза и потеряла дар речи. Когда она хотела упасть на колени, я подхватила ее под руку и сказала:

– Сейчас я говорю с тобой как твоя старшая сестра. Если не хочешь, можешь не рассказывать. Ничего страшного.

Хуаньби виновато склонила голову:

– Я не хотела скрывать это от старшей сестры.

– Это началось с моего дня рождения? – спросила я. Хуаньби кивнула, и я продолжила: – Вот почему ты не пускала меня на озеро. Должно быть, он попросил тебя о помощи, потому что хотел устроить сюрприз. – Я помолчала, глядя в лицо сестры. – Значит, когда я оказалась в беде во дворце Мисю, это ты побежала к шестому принцу за помощью?

Хуаньби кивнула.

– Тетушка Цзиньси была вместе с вами и не смогла бы незаметно уйти. В тот день императрица-мать хворала, и во всем дворце не осталось никого, кто мог бы заступиться за

старшую сестру, поэтому я набралась смелости и пошла к шестому принцу.

– А кроме этих встреч вы еще когда-нибудь виделись?

– Всего два раза. Один раз после того, как старшая сестра забеременела, а второй – два дня назад. Принц просто попросил хорошо о вас заботиться и больше ничего не сказал.

Я тихонько вздохнула:

– Он слишком переживает.

– Сестрица, а почему вы об этом заговорили? Это принц вам рассказал?

– Не совсем, – я покачала головой. – Я заметила, что ты поприветствовала его так, словно вы уже виделись. Если бы раньше ты с ним не встречалась, то поклонилась бы гораздо ниже.

– Это мое упущение, – ответила покрасневшая девушка.

– Сейчас у меня очень шаткое положение, – прошептала я. – Если ты будешь видеться с ним наедине, это может пойти во вред и нам, и ему. Так что больше с ним не встречайся.

Хуаньби задумалась на пару мгновений, но все же кивнула и сказала:

– Слушаюсь.

На улочках гарема было так тихо, что можно было расслышать шорох ткани, когда складки юбки соприкасались друг с другом. Из переднего зала дворца доносился нежный и чистый голос певицы. Линжун исполняла «Оду о Чанмэне»⁹.

⁹ «Ода о Чанмэне» – произведение Сыма Сянжу в форме рифмованной прозы.

Я остановилась, прислушалась и горько усмехнулась. Разве может Линжун, будучи фавориткой императора, понять негодование и обиду императрицы Чэнь, запертой во дворце Чанмэнь? Я оперлась на руку Хуаньби, и мы, не оборачиваясь, пошли дальше.

Ночь была одна на всех, но где-то царил дух одиночества, а где-то праздновали и веселились. В одном дворце звучала мелодия цитры, пробуждающая в душе тоску по любимому, а из другого доносилось пение, наполненное печалью, скрытой под красивой маской.

Связано с историей о том, как император У из династии Хань лишил милости императрицу Чэнь. Императрица узнала, что императору нравится рифмованная проза Сыма Сянжу, и попросила поэта сочинить такое произведение, которое затронуло бы сердце императора. Когда император прочитал «Оду», он вновь одарил императрицу своей благосклонностью.

Глава 3. Холодная луна

После сезона Выпадения инея¹⁰ в воздухе все чаще ощущался морозец, особенно сильно он чувствовался на рассвете и по вечерам. Поздняя осень вступила в свои права, принеся с собой дожди и холод. Настало время парчовых накидок.

Осенние дни были такими же тоскливыми и унылыми, как и дождливая погода за окном.

Пришлось долго ждать, когда дожди наконец прекратятся и сквозь тучи проглянет тусклое осеннее солнце, лучи которого напоминали пожухлые листья, опадающие на землю. Мэйчжуан видела, что меня все меньше волнуют мирские дела, и пыталась взбодрить разговорами, но в ответ получала лишь молчание. В тот день подруга пришла в Танли и, не говоря ни слова, схватила меня за руку и потащила за собой. Она быстро и уверенно ступала по плитам гаремных улочек, а я еле поспевала за ней. Ветер, подобно шаловливому ребенку, игрался с ее плащом и юбкой, то приподнимая их, то отпуская.

Я не знала, куда она меня ведет. Путь оказался длинным и долгим. Я надеялась, что мы вот-вот остановимся, но Мэйчжуан вела меня все дальше и дальше. Оглядевшись по сто-

¹⁰ Один из 24 сезонов китайского сельскохозяйственного календаря. Начинался 23–24 октября.

ронам, я поняла, что уже бывала в этой части гарема. Воспоминания с трудом пробились на поверхность, и я ахнула. Эта улица вела к Холодному дворцу. Пару лет назад именно там я приказала убить женщину, покушавшуюся на мою жизнь. Тогда я, хоть и чужими руками, совершила свое первое умышленное убийство. Потом я провела много бессонных ночей, потому что от страха, что ко мне вновь явится задушенная Юй, я не могла уснуть.

Через некоторое время мы подошли к Холодному дворцу. Стоило открыть дверь, как прямо в лицо полетело облако пыли. Подсвеченные золотистыми солнечными лучами пылинки кружились в дикой пляске и норовили проникнуть в нос или в глаза. Глядя на них, я подумала, что пыль олицетворяет скопившуюся обиду отвергнутых женщин, их страдания и невысказанные проклятия. Многолетняя пыль скапливалась на балках дворца подобно тьме, окутывающей слой за слоем сердца позабытых наложниц. Со временем их глаза становились похожи на черные дыры, и от одного их вида бросало в дрожь. Солнечный свет с трудом проникал во внутренний двор, а вот дождевая вода свободно стекала по ветхим карнизам и падала на землю. В воздухе ощущался слабый, но устойчивый запах гнили и плесени.

Женщины, которых раньше восхваляли за красоту, оказавшись в Холодном дворце, менялись до неузнаваемости. Кто-то из них постоянно рыдал и кричал; кто-то, свернувшись калачиком, лежал прямо на земле в полузабытьи; кто-

то прыгал и хохотал как сумасшедший; а остальные, соскучившись по солнечному свету, старались найти подогретое дневным светилом местечко и наслаждались редкими мгновениями тепла.

Когда мы с Мэйчжуан вошли, на нас никто не обратил внимания. Старые служанки и евнухи, обязанные следить за брошенными императором наложницами, занимались этим с большой неохотой. В определенное время они раздавали несвежую еду, чтобы узницы не умерли от голода. Наводили порядок, если кто-то начинал вести себя слишком шумно, в ход пускали палки и кнуты. Еще одним обыденным для них делом было сожжение тел самоубийц, не вынесших мучительной жизни в Холодном дворце. Слуги с бесстрастными лицами стаскивали тела в общую могилу за городом и сжигали.

Пока большинство наложниц грелось на солнышке, две женщины прятались в темном углу. Одна из них сидела, а другая лежала на куче соломы, покрывшейся плесенью и местами почерневшей из-за частых дождей. Одежда на них сильно потрепалась и напоминала лохмотья бедняков. Волосы были сильно спутаны, а лица покрыты грязью. Рядом с той, что сидела, стояла тарелка с облизанными добела рыбными костями, над которой жужжали мухи. Перед женщиной стояло зеркало со сколотым углом. Она аккуратными движениями наносила на лицо и шею обычную муку. Женщина так старалась, словно это была самая дорогая пудра.

Покрыв лицо мукой, она пошарила под соломой и вытащи-
ла тонкую палочку. Видимо, это было ее сокровище. Один
конец палочки был обожжен до черноты, и именно его жен-
щина использовала, чтобы нарисовать брови.

Мэйчжуан наклонилась ко мне и прошептала:

– Как думаешь, кто это?

Грязное лицо выглядело жутко после того, как его покры-
ли толстым слоем муки, а поверх нарисовали толстые чер-
ные брови. Я никак не могла узнать эту женщину.

Узница Холодного дворца продолжала водить палочкой
по бровям и бормотать под нос:

– На том отборе я была самой красивой. Я понравилась
императору с первого взгляда, и он не задумываясь отложил
бирку с моим именем. Среди всех наложниц по красоте я
уступала только фэй Хуа, да и то немного. Император меня
очень любил... – женщина хихикнула. – Однажды ночью им-
ператор оказал мне милость целых три раза, а потом даровал
имя Ли, что означает «прекрасная»... – Вспоминая о про-
шлом, она радовалась и гордилась собой, совершенно поза-
быв, в каком ужасном месте сейчас живет. Закончив рисо-
вать брови, женщина толкнула соседку и несколько раз спро-
сила: – Я красиво нарисовалась?

Вторая женщина неохотно повернулась и, даже не взгля-
нув на первую, недовольно сказала:

– Красиво, красиво! У меня от твоих речей уже мозоли
в ушах!

Совершенно не стыдясь чужих взглядов, женщина стянула с себя изношенную одежду и обнажила покрытую потом и грязью красивую грудь. Одной рукой она почесывала зудящие места, а второй ловила вшей, бегающих по одежде. Поймав надоедливое насекомое, она клала его в рот и пережевывала с таким видом, словно пробовала изысканный деликатес. Это было так мерзко, что меня затошнило.

Женщина, сидевшая у зеркала, не обратила внимания на пренебрежительное отношение соседки. Рассматривая свое отражение, она с довольным видом сказала:

– Если я буду прихорашиваться каждый день, то однажды император снова меня полюбит. – Соседка молчала, поэтому женщина с палочкой легонько ее пнула и сказала: – Выйди на солнышко. Погрейся хотя бы чуть-чуть, а то от тебя плесенью несет.

– Ты совсем дурная?! Солнце вредно для кожи! Почему бы тебе самой не выйти?!

– Я же главная красавица гарема – гуйпинь Ли. Думаешь, мне можно загорать? – женщина загадочно улыбнулась. – Императору нравится, что я вся-вся беленькая.

Когда она назвала себя гуйпинь Ли, я потрясенно посмотрела на Мэйчжуан, но оказалось, что моя подруга хладнокровно наблюдала за несчастными женщинами.

Бывшая гуйпинь Ли взмахнула рукой, и палочка упала рядом со мной. Женщина обернулась, чтобы найти свое сокровище, и заметила меня. На мгновение она остолбенела. Я не

могла понять, о чем она сейчас думает, потому что лицо, покрытое толстым слоем муки, напоминало лик привидения. В ее глазах промелькнула смесь страха, удивления и замешательства. В конце концов, наложница поспешно поднялась, рухнула к моим ногам и зарыдала.

– Младшая хозяйка ваньи! – закричала она. – В тот день наложница Ли... То есть я... Я поступила как никчемная дура! Нет! Не так! На самом деле я многого не знала. Это все наложница Хуа виновата! Ваньи, прошу тебя, попроси за меня у императора! – умоляла бывшая придворная красавица. – Я с радостью стану твоей рабыней, я готова быть рабочим скотом. Я не хочу оставаться в этом гиблом месте!

Она назвала меня ваньи. Как же давно это было! Когда ее заключили в Холодный дворец, она перестала получать новости извне и потому не знала, что я больше не ваньи. Но и я не ведала, насколько она несчастна. Наверняка, когда счастливая и воодушевленная наложница Ли впервые ступила на землю императорского гарема, она и подумать не могла, что в будущем ее ждет унижение и позор.

Вторую женщину не взволновали ни мольбы несчастной наложницы, ни мое присутствие. Иногда она поглядывала в нашу сторону, но потом опускала голову, чтобы положить в рот еще несколько вшей. Слезы оставляли на белых щеках гуйпинь Ли две темные полосы. Под смывтой мукой проступала дряблая и больная кожа, а ведь она была всего на пять лет старше меня. Сейчас ей было около двадцати двух. Са-

мый расцвет молодости. Когда-то она была второй по красоте женщиной гарема после фэй Хуа и пользовалась благоклонностью императора, а теперь ползала по земле и унижалась, моля о пощаде.

Каждое ее слово пронзало мое сердце подобно острым иглам. Я больше не могла слышать ее крики и видеть перекошенное лицо. Я с трудом вырвалась из хватки гуйпинь Ли и убежала.

Воздух за пределами Холодного дворца показался необычайно свежим. Я глубоко вдыхала и выдыхала, стараясь подавить сильную тошноту. Ощущения были такими, словно я вынырнула из ужасного кошмара. Никогда прежде я не видела ничего подобного. Это было очень страшно и мерзко.

Мэйчжуан выбежала следом и легонько похлопала меня по спине.

– С тобой все хорошо?

Я кивнула и, отдышавшись, спросила:

– Сестрица, ты ведь привела меня сюда, чтобы я посмотрела на наложницу Ли?

– А ты заметила ту женщину, что лежала рядом с наложницей Ли? – с улыбкой поинтересовалась Мэйчжуан.

Я нахмурилась, но промолчала. Моя подруга лучше всех знала, что я терпеть не могла отвратительных людей.

– Это бывшая любимица императора пинь Фан.

Я никогда не слышала такого имени. После смерти первой императрицы Сюаньлин сменил много фавориток. К тому же

у пинь, наложницы пятого основного ранга, было не очень высокое положение при дворе. Даже сейчас в гареме было четыре пинь: Ду Тянь, Лю Шэнь, Ван Му и Чжао Юнь. Про пинь Фан я никогда не слышала.

Мэйчжуан заговорила с очень серьезным видом:

– Пинь Фан вошла во дворец на три года раньше нас. Сначала ей присвоили ранг цайжэнь, потом повысили до гуйжэнь, затем до лянди, а после того, как она забеременела, ей присвоили ранг пинь. Но она недолго наслаждалась красивой жизнью, потому что вскоре у нее случился выкидыш. Пинь Фан сильно горевала и обижалась на отношение государя, а потом стала обвинять фэй Хуа в том, что это она убила ее ребенка. Из-за этого пинь Фан и оказалась в Холодном дворце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.